

דאליא ראַוִיקוויטש (1936, ראַמאַט-גאַן – 2005, טעל־אַװיב)

Механическая кукла

בלילה הזו הייתי בובה ממוכנת
ופניתי ימינה ושמאלה, לכל העברים,
ונפילתי אפיים ארצה ונישברתי לשברים
וניסו לאחות את שברי ביד מאומנת.

ואחר כך שבתי להיות בובה מתוקנת
וכל מנהגי היה שקול וציייתי,
אולם אז כבר הייתי בובה מסוג שני
כמו זמורה חבולה שהיא עוד אחוזה בקנקנת.

ואחר כך הלכתי לרקוד בנשף המחולות
אך הניחו אותי בחברת חתולים וכלבים
ואלו כל צעדי היו מדודים וקצובים.

והיה לי שיער זהב ועיניים כחולות
והיתה לי שימלה מצבע פרחים שבגן
והיה לי כובע של קש עם קישוט דובדבן.

Я этой ночью была марионеткой,
вертелась направо, налево, туда и сюда.
Я упала навзничь на землю и вдребезги разбилась,
И пытались склеить осколки мои умелой рукой.

А потом я снова стала правильной куклой,
Мое поведение было взвешенным и послушным.
Правда, тогда я уже была куклой второго сорта,
Как побитая ветка лозы, что еще цепляется усиком.

А потом я пошла на бал танцевать и плясать,
Но меня поместили среди кошек и собак,
Хотя каждый мой шаг был размерен и строго в ритм,

Хотя волосы у меня золотые и голубые глаза,
И было на мне платье цвета садовых цветов,
И была на мне соломенная шляпка с вишенкой.

(1959)

Подстрочный перевод Зои Копельман

Хаим Нахман Бялик (1873, Рады, близ Житомира – 1934, Вена)

Из народных песен

I

Между Тигром и Ефратом,
На пригорке, на горбатом,
В листьях пальмы, вся блистая,
Княжит пава золотая.
Я взмолилась златокрылой:
Ты сыщи мне, где мой милый!
Подхвати его на месте
И, связав, умчи к невесте.
А не. свяжешь, или нечем, –
Кликни зовом человеческим
И скажи... А что – не знаю...
Ты скажи, что я сгораю.
Скажешь: сад расцвел богато,
И зарделся плод граната –
Но замки-ворота целы,
И не сорван плод созрелый.
Скажешь: ночью я часами
Плачу горькими слезами
И мечусь, полунагая,
Покрывала обжигая.
А нейдет – тогда шепни ты:
Сундуки мои набиты –
Шелк, сорочки, одеяла –
Я сама их вышивала ...
И перина пуховая,
Что сготовила родная
За бессонные за ночки
К ложу брачному для дочки...
И, запрятана глубоко,
Ждет фата поры до срока, –
Все по счету, я готова, –
Что ж не видно дорогого?
Шорох-шелест меж листьями –
Молвит пава ей устами:
«Полечу во мраке ночи
И раскрою другу очи.
В грезде образ твой навею,
В сердце зов запечатлею:
«Он проснется, хватъ метелку
И верхом – в твою светелку.
«Я примчался издалека,
Радость жизни, светоч ока,
И хочу не шелк прозрачный,
Но любовь в подарок брачный.
Что мне в роскоши наряда!
Мне приданого не надо:
Твои косы – шелк прекрасный,

Твоя грудь – как пух атласный.
И за мной казна большая:
Чуб – и удаль молодая.
Выходи ж навстречу друга,
Нареченная супруга ...»
Вот и ночь. Туман пронзая,
Взмыла пава золотая,
Взмыла к небу и пропала –
И обета не сдержала.
И с утра до темной ночи
Подымаю к тучкам очи:
Тучки, белые туманы,
Где же милый мой желанный?..

II

Над колодцем, что в саду,
У ведра я тихо жду:
По субботам он стучится
У меня воды напиться.
Жарко. Все в глубоком сне:
Листья, мухи на плетне,
Мать, отец...
Не спим мы двое:
Я да сердце молодое.
Да не спит еще ведро,
И роняет серебро
Кап-кап-кап на дно колодца...
Милый близко... сердце бьется...
Чу – в саду шуршат кусты –
Это пташка – или ты?
Это милый! Скоро, скоро!
Я одна, нигде ни взора ...
Сядем рядом, руку дай
И загадку отгадай:
Отчего так жадно рвется
Мой кувшин к воде колодца?
И зачем мое ведро
Плачет, сея серебро,
Без утехи, без ответа
От рассвета до рассвета ?
И зачем так больно мне
Где то в сердце, в глубине?
Правда ль – мама говорила –
Что тебе я опостыла ? –
Отвечает мой жених: –
Сплетни недругов моих!
Через год мы, той весною,
Будем мужем и женою!
Будет чудная весна,
Небо в золоте без дна,

И деревья все с приветом
Нас осыплют сладким цветом.
Братья, сестры, вся семья,
Свахи, дружки и друзья,
Тьма гостей за скрипачами
Поведут нас со свечами.
На ковер тебя взведу –
Пред колодцем, здесь в саду;
Ты подашь мне дар богатый –
Белый пальчик розоватый.
И промолвлю громко я:
“Посвящаю – ты моя” –
А враги придут к нам в гости
И полопают со злости...
(1908)   *Перевел Владимир Жаботинский*

Иона Волах (1941, Кирьят Оно – 1985, Иерусалим)

Йонатан

Я бегу по мосту
И дети спешат за мной
Йонатан
Йонатан они зовут
Капля крови
Только немного крови для сладости меда
Я знаю, что кнопка оставляет ранку
Но дети хотят знать
Ведь они дети
А я Йонатан
Они рубят мне голову стеблем
Гладиолуса и подбирают ее
Двумя стеблями и заворачивают ее
В гремящий целофан
Йонатан
Йонатан они говорят
Ну правда прости нас
Мы и не представляли себе
Что ты такой.
(1963)   *Перевел Илья Зунделевич.*

Нурит Зархи (р. 1941, Иерусалим)

Она – Йосеф

Рахель сидит в шатре
прясть за прядью сплетает в косе
и под шелковой шапочкой прячет
на головке дочурки, а она – Йосеф

ведь если ты ребенка хотела
а дни твои сочтены
что, кроме обмана, поможет
волю Всевышнего изменить

малышка сидит в шатре –
рубашка пестра, как венки, –
тайну постигнешь – девчонка
а взглядом окинешь – сынок

сейчас всему миру известно
злословьем ее не порочь
наследника мужу Рахель родила
и это – ее дочь

мать волосы дочки гладит
по прядям читает ее судьбу:
из-за снов попадешь в яму
а из ямы – в чужую страну

слушает мамины речи
малышка во мгле шатра
тайны этих пророчеств
восторг пробуждают и страх

а Рахель продолжает вещать:
пострадаешь за свою красу
суждена тебе дочка тюрьма
но свободу сны принесут

много бед сулят твои сны,
в твоих снах причина удач...
дни Рахелины сочтены
тайну дочки ей не разгадать

малышка сидит в шатре
не забыть ей волшебную ночь
смотрят люди и видят – мальчик
но сокрыта в мальчике дочь

(1983)

Перевела Зоя Копельман

Нурит Зархи (р. 1941, Иерусалим). **Она – Йосеф**

Вот стоит человек, он заглядывает внутрь. Там, за порогом, его глазам предстает нечто странное: его жена расчесывает длинные волосы их сына. Разделяет их на пряди и сплетает в косы, а затем торопливо запикивает под шапочку, целиком закрывающую голову.

Однако этот сын – ему не сын.

Человек зажмуривается и вновь открывает глаза – ночь, синяя тьма, во мраке слышно, как дышат быки, как скрипуче, словно пила, кричит осел; висящие под потолком бутылочные тыквы гулко постукивают на ветру.

Нет, нет, ошибки быть не может. Его сын, его младший, которого родила ему под старость жена, – девочка.

Человек не сердится, он знает, что жена поступила так из любви к нему, она просто хотела ему угодить, хотела, чтобы он поверил, что у него есть наследник.

Многие годы жена не могла родить ему сына. Снова и снова обращалась она к врачам, колдунам и знахаркам, и вот наконец родила и теперь схитрила, представила дело так, будто младенец – мальчик.

Теперь он понял, почему жена настаивала дать ребенку имя, означающее «добавка», иначе говоря, нечто, что таит в себе что-то еще; к тому же этот смысл не является ни специфически мужским, ни специфически женским, но подходит для обоих.

Человек слегка пригнулся, чтобы его не заметили, и продолжал наблюдать.

Сейчас, когда мать зажгла свечу, девчушка выглядит совсем, как мальчик. Человек не знает, что пытается разглядеть жена при свете пламени. Оттуда, где он стоит, кажется, ее губы шевелятся. Лишь невнятное, бессмысленное бормотание доносится до него, да видно, как крошечное, сосредоточенное лицо жены почти касается личика дочери, и облако осеняет их. Что она там видит сквозь пламя? Неужели это так страшно?

И прежде, и теперь он, как и многие мужчины, не верил в магию и гадания. Он раз и навсегда запретил жене заниматься этим, оттого она делает это в тайне и обучает свою дочь всему, что отец не позволил ей знать.

Адам и Ева, пока не были изгнаны из Райского сада, не сознавали себя мужчиной и женщиной. В этом осознании и заключалась известная доля Божьей кары.

Все так же пригнувшись, человек поворачивается и уходит. Он никогда не расскажет жене, что проник в ее тайну, ведь его душа прилепилась к ее душе, а еще потому, что вскоре ей предстоит умереть – смерть оборвет жизнь женщины, слишком поздно получившей то, чего она страстно желала и за что заплатила самую высокую цену.

Девочка привыкла бродить по дому отца, уже без матери, – одетая, как мальчик, в пестротканую рубашку. А рубашка – как Адам, когда он сам по себе, – ни мужчина, ни женщина, а возможно, мужчина и женщина вместе, ведь решить это достоверно можно лишь если рядом есть кто-то еще, однако разумно ли доверять столь важное решение постороннему?

Отец следит за ней с тревогой, он хранит ее тайну, словно обет, и ей тоже не признается в том, что знает. Ложь на лжи. В отцовском доме крутятся еще и братья, все те сынки, что родились от других матерей; они издали наблюдают за Йосефом – с тем любопытством, в котором и страх, и ненависть, подобно

петухам, когда они следят друг за другом, чтобы наскочить и заклевать до крови.

До чего же странный мальчик! Им эта тайна неведома, и им ее не узнать, хотя она лежит почти на поверхности и вот-вот станет явной.

Воздух скачет, воздух пляшет, как на заре, когда он еще слишком прозрачен, чтобы уверенно обозначить шпили башен и куполообразные крыши домов, он движется и дрожит, словно все возможности возьмут и выйдут навстречу взгляду, ведь всем известно, что солнце – знак мужества, а луна – знак женственности, и по ночам луна влечет к себе морской лик, растения и семена, тянущиеся из земли ей навстречу. Все стремятся быть к ней поближе, ведь она родовспомогательница, а солнце – его прямая открытая сила у всех на виду.

Посреди чисто выметенного двора стоит бледная Йосеф и рассказывает братьям сон, а они сидят вокруг костра, и лица их пылают: солнце и луна склонились передо мной в поклоне, – говорит она и так, по сути, открывает им смысл иероглифов сновидения. Братья смеются, но лица у них недобрые. Отец с тревогой следит за их беседой. Он снова убеждается в том, что уже давно знал: люди всегда заслушиваются историей, она их оплетает, а сновидец видит во сне самого себя.

Братья сидят вокруг костра и молчат. Ночь нежна и темна, искры с треском взмывают ввысь, навстречу звездам. «Что за сон такой», – ворчат они.

Йосеф останавливается в шаге от костра, ее образ по-прежнему окутан тьмой. Только рвущиеся из огня языки пламени словно высвобождают из мрака ее белое лицо и выпуклый, как свод синагоги, лоб. Как она станет отвечать, сумеет ли? Скажи она, что не считает себя важнее их хоть на один колосок, они все равно не поверят. Йосеф и сама не знает, хорошо ли, плохо ли, что у нее есть тайна, однако крепко хранит ее в сердце, ведь если б ее просто любили, не пришлось бы ей жить под чужой личиной.

Ни один из братьев не потрудился уступить ей место поближе к огню. Она усаживается за чьей-то спиной, обхватив рукой своего козленка – у него на шее крошечный колокольчик; козленок ходит за нею по пятам, и колокольчик звенит.

Братья продолжают разговор, будто ее и нет. Но когда все темы исчерпаны, вдруг вспоминают о ней и говорят: «А что это был за сон, который ты раньше не захотел нам рассказать?»

Йосефу нравились ее сны, они были ясные и странные одновременно, и она сама удивлялась, как они представляли ей то, что жило в ней, несмотря ни на что.

Луна и звезды... Но это, конечно, не луна и не звезды, потому что спящий никогда не гонит мрак из-под сомкнутых век, ведь ему надо узреть суть, как она есть.

Девочка заканчивает пересказывать сон, воцаряется безмолвие. Огонь едва мерцает, где-то поблизости всхлипнула овца, но вот еще какой-то звук... Что это? А звук приближается, он наводит ужас.

«Пойду погляжу, откуда это», – говорит старший и выпадает из освещенного круга, исчезая в кромешной тьме.

Вот тут-то все и произошло. Мгновенье спустя старший брат вернулся, но братья так и не смогли толком ничего объяснить. Один презрительно сказал: «Этот сновидец», но они так и не вспомнили, кто именно.

«Давайте зажарим его козлика».

«Нет!» – вырвался вопль из ее груди. Она изо всех сил обхватила своего любимца. Братья кинулись за ней, и она побежала вокруг костра, прижимая козленка к груди, – жар пышет ей в лицо, опалает брови.

«Ладно, – уступают братья. – Если он так любит эту скотину, нам не обязательно ее жарить. Мы можем с ней просто поиграть». И один из них с силой потянул к себе козленка. Но козленок вырвался и убежал, а брат бросился догонять его в темном поле, поймал и бросил остальным.

«Отпусти его! Отпусти!» – завопила Йосеф и поспешила на выручку. Спустя годы ей подумалось, что это ее вина – ведь если б она тогда случайно не упала, им бы и в голову не пришло бросить сновидца в пустой колодец.

Итак, как же сложилась жизнь той девчушки?

Может, отец потихоньку вытащил ее оттуда, ведь он все время неприметно следил за нею? Наделенный Божественным разумом, он возможно догадался, что способны сотворить люди под влиянием глубин своей души, тем более, если это братья. И возможно, уже после того, как вытащил ее из пустого колодца, отец признался дочери, что всегда знал, что она – женщина, дочь его единственной возлюбленной, похожая на нее, как две капли воды, и ему полегчало, оттого что теперь он мог открыть ей свое сердце и ее любить.

Что касается истории Йосефа, того, кто годы спустя оказался во дворце египетского фараона, то это, вероятно, был политический заказ, как написал один немецкий автор о Йосефовом отдаленном родственнике, которого судьба тоже закинула на царский двор, где он занял высокое положение и потом спас своих сородичей. Йосеф, как известно, не смог сдержаться и заплакал, увидев их через много лет, как случается со всяким, давно живущим на чужбине, когда он встречает вдруг братьев по крови, прибывших с родины предков.

Но если истинно то, что девочку Йосефа вытащили из колодца ишмаэльтяне, а не отец, и она оказалась там, где оказалась, и по мудрости своей скрыла, что она – девушка, и ни один человек этого так и не обнаружил, – тогда мы можем вообразить, как она лежит в постели, и ночами, когда к ней приходит жизнь, будь то после случившегося с Оснат, дочерью Потифара, происшествия, которое нам теперь нетрудно понять, или как спустя годы, но тоже в постели, бок о бок с мужчиной или женщиной, которые уснули прежде нее, она, набравшись мужества из древней книги, хранит свою тайну – тайну двойного бытия, существования, которое есть сон наяву или бодрствование во сне, благодаря которому она сумела прочесть знаки нездешнего, тайнопись сновидения, предназначенного решить загадку жизни наяву.

Так ли, этак ли, во всей той истории нет даже краткого облегчения, момента, когда Йосеф мог бы доверить свою тайну читателям или кому-то из присутствующих. Исключение составляет, пожалуй, тот миг, когда он приказал: «Выведите всех от меня», – и остался наедине с собой, плача и вспоминая то, что могло бы произойти, но так и не произошло. Мужчина он или женщина? И еще вопрос, на который нет ответа, – является ли он разгадкой или загадкой, которая и есть жизнь. Однако Йосеф был сновидцем и этого не знал.

(1993)

Перевела Зоя Копельман

Ашер Райх (р. 1937, Иерусалим). **Кормилица Иона**¹

История об одном человеке, у которого умерла жена и оставила ему грудного младенца-сына, а у него не было средств нанять кормилицу, и случилось с ним чудо – у него появились груди, подобные двум женским грудям, и он вскормил ими своего отпрыска. Шабат, 53.

Наступил вечер, молитва о дожде, вознесенная на исходе праздника Суккот, еще отзывалась эхом в стенах синагоги, а небо уже пробудилось, будто морской дракон от спячки, и пошло пепельными тучами, которые грозным предзнаменованием набухали и вширь, и вниз. Где-то в недоступном взгляду отдалении прорезался крик, но не из глотки человека, зверя или птицы по роду их был он исторгнут. На мгновение жилой квартал озарился слепящим и мертвящим светом. Откуда ни возьмись ворвались с гудением ветры, и зелено-белые молнии, вида которых не выдержать живому глазу, опалили могучий ствол дерева и частокол двора. Огромные громы раскололи оконные стекла и сотрясли священный кивот со свитками Торы. Люди в синагоге ощутили и поняли, что пришла зима, но продолжали молиться.

Незадолго до описываемых событий акушерку Фейгу срочно вызвали к Ривке Шварц. У роженицы уже начались сильные схватки и раскрытие матки оценивалось в два пальца. Из расширенной промежности потекли околоплодные воды, и в таком состоянии вести ее на улицу Ченселора, в больницу «Бикур Холим» представлялось опасным. Фейга спешно приготовила полотенца, ножницы и таз с водой, пеленки и вату. Она хладнокровно сунула в рот роженице влажную тряпицу, не обращая ни малейшего внимания на ее стоны и всхлипы.

– Тужись! – скомандовала Фейга. – Тужись!

– Не могу больше! – взывала та, корчась от боли.

– Ты должна! Постарайся и тужись! – прикрикнула на нее повитуха.

– Умираю, – еле слышно выдохнула измученная женщина, вся в поту, – я умираю...

– Ты сейчас станешь матерью! – пообщала ей Фейга. – Еще чуть-чуть, еще немного, и ты станешь матерью во Израиле!

По необъятному пространству небес неслись испуганные тучи, точно звери в горящем лесу, и мощь дождя яростно обрушилась на землю. Роженица Ривка Шварц умерла мгновенно, на сорок первом году жизни. Счастливая улыбка расцвела на лице той, кто слишком долго оставалась бесплодной. Два новорожденных младенца мужского пола, живые и здоровые, вынырнули из ее утробы, и это было последним, что она увидела перед смертью.

Фейга поглядела на близнецов, рожденных бездетной Ривкой, и сказала себе, что все произошло благодаря тому, что покойница тщательно исполняла заповедь об отделении кусочка теста при выпечке хал, одну из трех важнейших женских заповедей.

На улицах города бушевал ливень, подобного которому не случалось в Иерусалиме веками. На землю падали острые тяжелые градины, и капли

¹ יונה המיניקת. בתוך: אשר רייך. איש עם דלת. סיפורים. הוצ' הקיבוץ המאוחד, 2004. עמ' 97-115.

размером с грецкий орех скакали, как бесенята. Смытые водными потоками кошки и крысы неслись в лужевые озера, немедленно образовавшиеся между домами. Буря предвещала суровую зиму, а молитва тем временем завершилась. Мы, ребяташки, столпились на пороге и не знали, как вернемся домой при этом потоке, которому не видно было конца. Мой отец, как и прочие молящиеся, презирал всякое безделье, а потому предпочел задержаться в синагоге и заняться учением, пока не уймется дождь. Но озабоченный Иона Шварц выскочил на улицу, испуганно пробормотав что-то о беременной жене, и упрямо поспешил к дому. Ему предстояло одолеть две дворовые площадки и четыре переулка, но дорогу то и дело перерезали водные преграды. Ребята пошли внутрь синагоги, а я остался стоять у входа, замороженный шумом падающих градин и видом нашего соседа, сражавшегося с лужами и отважно шагавшего сквозь дождевую завесу.

Иона был худ и мал ростом. Его сухонькое личико обрамляла желтоватая, жесткая, как солома, борода, а кустистые брови придавали ему неизменно сердитое выражение. Он проживал в нашем дворе и уже несколько лет работал могильщиком «Похоронного братства», поначалу на Масличной горе, а когда та осталась за пограничной стеной – в Сангедрии. По случаю праздника он был одет в белый долгополый китл, а голову его венчал отороченный лисьим мехом штреймл. Иона шел, преисполненный надежды, что Господь отзовется на его мольбы, и жена, чья беременность подходила к концу девятого месяца, родит ему, наконец, сына, первого ребенка за двадцать лет их супружества.

В сполохах молний Иона в своей сверкающей белизной одежде и с развевающимися на ветру пейсами казался прыгающим по воде мокрым бесом. Поглощенный тревогой о жене, он не обращал внимания на падающие беспрерывно градины, бившие его по ногам сквозь брюки и забивающиеся в башмаки. Вот он поскользнулся в луже, очки соскользнули с носа и тут же были унесены течением, так что ему пришлось напрягать близорукие глаза, пробираясь в водяной мути к дому.

Вода лилась на него сверху и по шиколотку закрывала ноги, как вдруг на него напало веселое озорство, и он принялся скакать под дождем, словно расшалившийся от счастья мальчуган. Ведь он вот-вот станет отцом, и этот дождь послан ему радостным вестником! С медлительностью подбитой птицы он переваливался с одного торчащего булыжника на другой, пока в конце концов не оказался, промокший до нитки, перед собственным домом. Тяжело дыша, поднялся он по ступеням крыльца, и тут застарелая боль омрачила душу: с самой свадьбы он терпел от жены оскорбления и насмешки и страдал от попрадного мужского достоинства. Ведь в его не знавшем детского гомона доме у Ионы не было истинного положения. Жена его сделалась наглой и помыкала им, беспрестанно глумилась и куражилась над ним. Ей казалось, что если Господь создал ее на голову выше мужа, значит, она превосходит его и во всем остальном.

С годами, исключительно ради мира в семье, Иона Шварц научился молча терпеть издевки своей желчной жены.

Из-за крошечного роста и желтоватого цвета волос и бороды, мясник Иерухам презрительно называл его не иначе, как Желтым Коротышкой. В начале каждого месяца Иона приносил жене свое убогое жалование от «Поминального братства», и сердце его сжималось при виде брезгливой гримасы, искажавшей в тот миг ее толстые губы. Лишь после того, как он ее

обрюхатил, и по мере того, как неуклонно приближался день родов, она изменила своей привычке и больше его не донимала. Правда, порой не могла удержаться, чтобы не заметить ехидно, что Тот, Кто заставил расступиться воды Чёрного моря, и не на такие чудеса может сотворить. Иона считал, что этими словами она насмеялась над его способностью сделать женщине ребенка.

Мясник Иерухам распускал среди своих покупателей гнусные слухи, мол, жена могильщика забеременела от духа одного из покойников, который вселился в ее бессильного мужа, пока тот засыпал землей бездыханное тело мертвеца. Мол, этот-то дух и обрюхатил Ривку Шварц, которая за двадцать лет замужества еще ни разу не была беременной.

Жена Иерухама Батья, которой Бог тоже не дал детей, не выносила грубой пошлости своего мужа и не имея возможности осадить охальника, говорила в сердцах: «Что ты, что твой могильщик – оба вы от мертвой плоти кормитесь!»

Иона замер перед входной дверью, но услышав плач младенцев, прямо зашелся от радости. Однако мгновение спустя разразился горестными воплями, меча яростные взгляды на мертвую жену. Он не сомневался, что она оставила его вдовцом единственно по злобе душевной, да впридачу повесила на шею двух кричащих сосунков.

Повитуха Фейга пыталась утешить его преисполненными веры в Божье милосердие словами, но безуспешно: уши новоиспеченного вдовца оставались глухими к ее увещаниям. В исступлении, а не в огорчении скорбящего, он схватил кухонный нож и искромсал свой праздничный наряд. Из горла вырвался долгий хриплый и тяжкий вой, а уста не благословили, как положено в таких случаях, Господа суд справедливый. Покойная женушка ухитрилась насолить ему даже в смерти!

– Бог дал, Бог взял – да будет благословенно Имя Его, – пробормотала Фейга, удрученно глядя на павшего духом Иону.

А Иона выскочил из квартиры, как был, полуголый, и словно одержимый стал метаться по двору, зыря по сторонам безумными глазами. Его мозг сверлила неотвязная мысль о близнецах. Где он возьмет кормилицу и кто станет заботиться о них изо дня в день? Кто присмотрит за домом и воспитает их добрыми евреями? Он и раньше-то не понимал, за что терпит, а теперь и вовсе не знал, чем провинился и за какие грехи постигла его новая кара. А возможно, произошла ошибка? Возможно, к завтрашнему утру распогодится, и вместе с ясным солнышком к Ривке, его жене, вернется дыхание жизни, она откроет глаза и встанет с кровати, словно все это было не более, чем дурным сном. «Слушай, Израиль! – воскликнул в сердцах Иона, – где Господь наш, Бог наш, Единственный?»

Руки его тряслись и обнажившаяся грудь содрогнулась при звуке слов неверия, невольно сорвавшихся с уст. Ища защиты, он вперил взор в грозовые небеса, и зелено-белые молнии дико заплясали в вышине, озаряя его тщедушный облик. Огонь пронзил тело Ионы и ударил в соседнюю деревянную изгородь. Раскаты грома сотрясли свод над его головой, раскололись и рассыпались жуткими гонцами.

Ионе казалось, что духи мертвецов, зарытых им в прошлом месяце, водят вокруг него хоровод, бормочут что-то невнятное. В ужасе он стал хватать пепел с обугленной изгороди и принялся натирать тело и грудь, чтобы сбить с толку мертвецов и не дать им узнать своего могильщика. Острая боль ожгла руки, но ни единый крик не вырвался из почерневшей груди.

Повитуха схватила фонарь «Люкс» и поспешила на двор. «Благословен Тот, Чьей силой и мощью полнится мир», – возопила она во всю глотку, но на сей раз привычное благословение относилось не к молниям и не к градам. Она испуганно взирала на могильщика Шварца, кривым силуэтом темнеющего возле обугленных кольев, черного, как его фамилия, и страшного, как потревоженный в берлоге медведь. Поначалу она решила, что его ожгло молнией. Он казался выше ростом. А вдруг это и не Иона Шварц, закралось ей в душу сомнение, ведь нечистый, как известно, может принять любой облик.

Она застыла, будто пораженная громом, тайно надеясь, что это ей только привиделось. При свете дрожавшего в руке фонаря ее глазам предстало более чем странное зрелище: соски на груди у Ионы стали набухать, словно пузыри, а сам он делался все выше и выше. «Ой, Господи помилуй! – прошептала Фейга, пяля глаза. – Не иначе, как нечистые забавляются...» Страх укольнул ее, но прежде, чем она успела открыть рот, буря подняла и подхватила Иону, как бумажку на ветру.

Она видела, как он летел, точно ангел, над ставшей озером дворовой площадкой. Тело его расцвело, как лоза плодоносная², он на глазах становился все шире и плотнее, пока не опустился прямо в огромную лужу. Теперь он походил на дерево, посаженное у потоков вод³, высокий и статный возвышался посреди темного озера, и искры святости сверкали в его зрачках на фоне обмазанного пеплом лица.

Молнии вспыхивали одна за другой, озаряя озеро, Иону и ряд домов, будто сцену из ночного кошмара. «Это сон, сон, родившийся из слепой утробы грядущей зимы, – бормотала Фейга себе под нос. – Это сон, мне все это только снится».

Голос Ионы доносился к ней словно издалека, как эхо неясных смешавшихся слов. Фейга была опытной повитухой, ей не раз приходилось принимать необычные роды, и потому она храбро сошла на двор и направила на Иону свет фонаря. Тот стоял во весь рост и казался шатром, раскинутым посреди пруда. Необычно статен и высок был Иона, и пышные груди выросли у него. Фейга не могла отвести от них взгляда, испытывая дивное волнение: вот, у меня на глазах, меняется устройство мира, созданного в шесть дней Творения. «Нет невозможного для Всевышнего», – машинально прошептала она.

А могильщик в отчаянии снова бухнулся в воду, и тут огромная лужа засияла, словно гигантский лунный диск в заводи. Теперь Иона казался мощным зверем, схоронившимся в топкой глуби болота.

Из дома послышался плач новорожденных, Фейга очнулась, сию секунду стряхнуть наваждение, собралась с духом и потащила Иону Шварца за собой. То пробуждаясь, то вновь погружаясь в дремоту, могильщик рычал что-то невразумительное, как вдруг во сне явился ему призрак покойной жены и потребовал вскормить ее сыновей и вырастить из них благочестивых иудеев.

Иона проснулся у себя на кровати еще до восхода зари. Он чувствовал голод и тяжесть в теле, но вдруг с изумлением обнаружил свою налитую молоком грудь. Он отказывался верить, что за одну ночь так изменилось его тело. Вид пышно разросшихся грудей поверг его в смущение. Неужто над ним посмеялись зимние бесы? Я, верно, еще сплю, решил Иона. Душевное смятение

---

² Ср.: «[Блажен всякий, боящийся Господа...] Жена твоя, как плодоносная лоза в доме твоём, сыновья твои, как масличные ветви вокруг трапезы твоей» (Теэлим / Пс. 128/127:3).

³ Ср.: «[Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых...] И будет он, как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое...» (Теэлим / Пс. 1:3).

мешало ему отделить сон от яви. Но настойчивые крики голодных младенцев быстро вернули его к действительности, и он поспешил приложить близнецов к груди.

Покормив детей, Иона вдохновенно готовился к утренней молитве, наложил тфиллин и звенящим от религиозной экзальтации голосом выводил стихи святых песнопений, всем своим существом ощущая чудесные деяния Господа. «Истина из земли прорастет!⁴ – гремел он, аки лев рыкающий. И, осматривая свою грудь, воскликнул восторженно: «Благословенные груди эти пришли ко мне из земли, как и я сам, вышедший из земли, как и жена моя, которая в землю вернулась!⁵» Иона Шварц относился ко двору «мертвых хасидов», как прозвали брацлавскую паству, которая после кончины рабби Нахмана никого не удостоила венца его преемника.

За окном по-прежнему бушевала стихия, атакуя дома и срывая черепицу с ни в чем не повинных крыш, а также повергая наземь не убранные после праздника кущи. Тучи теснились и карабкались друг на друга, как озлобленные зверюги, и нашлись люди, различившие в завывании ветра рев левиафана.

Женщины и мужчины опасались покидать жилища, страшась бесовских козней, и загнали детишек под кровати – от греха подальше. Одна только жена *моэла* Ицхака Мессердорфа осмелилась выйти за порог. Заглянув со двора в окно квартиры могильщика, единственное оставшееся целым окно, и увидев, как он кормит грудью младенцев, она испытала такой ужас, что буквально приросла к месту.

– Иона, зарывающий мертвых в землю, превратился в бабу! – только и сумела выкрикнуть она.

Однако этот отчаянный вопль не только вернул ее к жизни, но и наделил удвоенной, нет, утроенной энергией: она плюнула на дверь и поспешила поскорее убраться подальше от колдовства и раззвонить неслыханную новость по всей округе. Иона, слышавший ее возглас, довольно усмехнулся, предвкушая сладость близкой мести, когда он, наконец, сполна расплатится со своими обидчиками. «Теперь-то они узнают, кто такой Иона-могильщик!» – пообещал он себе.

После первого благополучно окончившегося кормления он успокоился и смирился со своими новыми грудями, более того – преисполнился гордости от своей пущей мужественности, которая наделила его тело этим материнским атрибутом. Страшная усталость одолела его. Обессиленный, он едва добрался до постели и немедленно заснул сладким, безмятежным сном, какого никогда прежде не знал.

Фейга поглядела на спящего и решила, что ей выпала великая честь посвятить себя святому служению в доме вдовца. «Теперь уж нет сомнения, что все эти годы под личиной невзрачного Ионы-могильщика скрывался великий богоизбранный человек, – подумала она. – А мы и не знали, пока не произошло это невероятное чудо».

Иона Шварц и на следующее утро тоже пробудился до рассвета, когда Иерусалим еще кутался в свою сероватую, хоть и медленно голубеющую шаль. Завершив утреннюю молитву, которая прошла в ощущении вящей близости к

---

⁴Ср.: «Истина произрастет из земли, а справедливость видна будет с небес» (Теэлим / Пс. 85/84:12).

⁵ Ср. «В поте лица своего будешь есть хлеб, пока не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Берешит / Быт. 3:19).

Создателю, и отхлебнув глоток-другой кофе, он решил, что пришла пора показать всем обитателями квартала сотворенное ради него чудо.

Фейга расстелила перед дверью, под черепичной крышей двора, большой ковер и положила на него две пестрые подушки. Солнце уже вошло в силу, и небо было чистым, как червонное золото. Иона уселся на ковер, скрестив по-турецки ноги, и принялся кормить грудью сразу обоих близнецов, сунув по соску каждому. Лицо его светилось счастьем.

Моя матушка вышла во двор поглядеть на кормилицу Иону, и тот принял ее более чем радушно. «Ну, видела ли ты когда-нибудь такие сиськи, омываясь в микве?» – беззлобно поддразнил маму Иона, пока она рассматривала его изблизи. И доверительно добавил: «Такой доброй соседке, как ты, я разрешаю их пощупать». Матушка ощупала груди, как опытная хозяйка щупает в мясной лавке куриный зоб, и все то время ее рот оставался широко раскрытым от удивления. «Сиськи – лучше не бывает!» – авторитетно заключила она наконец. – «Даже у молоденьких матерей такие не сыщешь!» – горделиво подтвердил кормилица.

Белизна осеннего солнечного света разливалась над городом, и ей в пару ширился слух о чуде. Женщины, мужчины и ребятишки сбегались посмотреть на диковинку, читали псалмы и превозносили Всесильного и Его деяния. Матушка вызвала моего дядю, доктора Аронова, из больницы «Бикур Холим», который осмотрел Иону и вынес свой веский приговор: «Иона-могильщик здоров как бык! Нам бы всем такое завидное здоровье».

Все утро и после полудня в наш двор стекался неиссякаемый поток любопытствующих. Раввины, даяны, иешиботники, стояли лишившись дара речи и не могли отвести изумленных глаз от грудей могильщика. Наконец, один из раввинов с горящим взором стал цитировать Талмуд, где сказано об одном человеке, у которого умерла жена и оставила ему грудного младенца-сына, а у него не было средств нанять кормилицу, и случилось с ним чудо – у него появились груди, подобные двум женским грудям, и он вскормил ими своего отпрыска. Все то время Иона сидел молча, с деланным равнодушием внимая изливавшимся на него славословиям. Лишь в глубине сердца он ликовав по случаю нового статуса и наслаждался произведенным переполохом. Вдруг он заметил в небе выглянувшую из-за туч радугу, поднялся на ноги и, повернувшись к радуге лицом, склонился в полупоклоне.

Кое-кто из стоявших рядом мужчин стал возмущенно протестовать, мол, что это он поклоняется радуге, как какой-нибудь эмореец. Но раввин Альтер Равиц, член Высшего суда справедливости Бадац, призвал возмущенных к молчанию и неопровержимо доказал, что наделенный грудями поступил по слову рава Иегошуа бен Леви, как читаем в трактате «Брахот». Кормилица Иона уселся на прежнее место и неожиданно напомнил присутствующим, что в талмудическом трактате «Хагига» сказано: «Подобен виду радуги в туче образ Всевышнего». Тут все согласно закивали, а раввин Равиц был потрясен до глубины души неожиданной ученостью могильщика. Не иначе, подумал раввин, как чудо много больше, что то, что открыто взору.

Похороны Ривки Шварц были многолюдными. Надгробную речь говорил раввин Вахтфойгель, глава большой иешивы в районе Меа Шеарим. Он отдал дань достоинствам покойной и сравнил двух ее сирот со Скрижалями Завета, потому что ради них, так он сказал, совершилось чудо с грудями. На кладбище в Сангедрии кормилица сказал «кадиш», но глаза его оставались сухими при

воспоминаниях о жене-гадюке. Мало она поиздевалась над ним при жизни, так еще и умерев повесила ему на шею заботу о двух близнецах.

Когда хоронили жену Ионы-могильщика, зарядил мелкий дождь, а потом, когда люди покидали кладбище, погода развиднелась и небо очистилось.

По возвращении во двор Иону окружили хасиды всех толков, стали плясать и прославлять могильщика, сидевшего на ковре в кольце поминальных свеч. Раввин нашей синагоги достал из кармана пальто шофар и долгими протяжными звуками отогнал злых духов, которые, возможно, увязались за пришедшими с кладбища людьми.

Звуки шофара разнеслись по окрестным дворам, и их жители собрались поглядеть на великое чудо и утешить скорбящего в семь траурных дней. Церемонно и с достоинством Иона вынул из-за полы нового блестящего халата, купленного ему Фейгой, сначала одну, а потом вторую грудь и на глазах у всех накормил своих малышей. Халат был из толстой, богато расшитой материи и походил на *парохет*, завесу на кивоте со Свитками, с маген-давидом и алыми и зеленовато-бронзовыми полосами.

Внизу, на дворовой площадке, появились мальчики из Сиротского дома Блюменталья, чтобы читать псалмы за вознесение души Ривки Шварц. Они шли парами, медленно, и держались за руки, будто слепые. Их сопровождали двое взрослых, один спереди, другой сзади. Молитва сирот, как известно каждому, способна пройти сквозь все небесные сферы и дойти до самого Престола Славы Его.

Не все в нашем квартале отнеслись к происшедшему одинаково. Нашлись сомневающиеся в истинности чуда, кое-кто дивился, почему это Пресвятой предпочел наградить Иону грудями, а не мудростью. Иные негодовали, причем даже вслух, по поводу того, что случившееся понизило статус могильщика, спустив его с уровня мужчины до уровня бабы. Какая-то завистливая женщина заметила, что не будь этого чуда, иная мать могла бы удостоиться исполнить заповедь о вскармливании сиротки. «Нам, женщинам, из-за Евиного греха в Раю досталось всего три заповеди, – причитала она, – а мужчинам целых 613!»

Раввин Равиц шикнул на нее и велел замолчать, даже не удостоив взглядом. Иона спрятал в бороде хитрую улыбку и попросил простить неразумную квочку. Краем глаза он заметил мясника Иерухама, который ни разу не продал в кредит его жене, даже когда та просила мясо на Субботу. Он не сомневался, что появление Иерухама добра не сулит.

Иерухам локтями проложил себе дорогу в ближайший к коврику круг и отпустил на идише что-то нелестное в адрес могильщика. Презрительная усмешка искривила его мясистые губы, когда он обратился к собравшимся и сказал: «Глядите, глядите, господа, на Йонче-плута, Йонче-мошенника! Нечистое колдовство все это, проделки зимних бесов, а не Божье чудо!» В доказательство своей правоты мясник сказал, что если бы Всевышний пожелал помочь, Он сделал бы так, чтобы в доме могильщика обнаружился клад, и так дал бы этому Шломизлю денег для кормилицы. «Я не верю, – добавил мясник, – что Господь стал бы затрудняться и менять устройство мира с шести дней Творения ради какого-то жалкого полуграмотного могильщика!» – «А сам ты кто? Жалкий мясник! Тебе ли указывать Пресвятому, как Ему поступить?!» – раздались возмущенные голоса.

Мясник покраснел и замолк, а лицо могильщика просияло. Он поднялся на ноги и вперил в ненавистного Иерухама взгляд, полный презрения и

порицания, а выдержав паузу, громко и отчетливо проговорил: «Перед Всевышним и перед собравшимися я призываю в свидетели небеса и землю, когда утверждаю, что этот мясник кончит тем, что станет есть собственную плоть, ибо он не верит в Божье чудо!» Жуткое проклятие разозлило мясника, но в силу обстоятельств он сдержался, затаив, однако обиду до более благоприятного часа.

Неожиданно к Иерухаму пришла помощь со стороны одного литвака, известного неверием в чудеса и носившего европейский костюм. Он встал бок о бок с Иерухамом, слово собрался его защищать. «Мясник прав! – заявил литвак. И добавил издевательским тоном: – Шимшон, который следовал за своими глазами, кончил тем, что филистимляне выкололи ему глаза! Авшалом, который гордился своими волосами, запутался ими в ветвях и повис – там его и убили! И тут – при всех отличиях! – сидит перед нами человек и забавляется своими колдовскими грудями!»

Раввин Шломо Эрлих, заместитель председателя Бадаца, молча стоял во дворе, скромно опершись о посеребренную трость. Он внимательно посмотрел на Иону, выслушал спорящих и вынес свой приговор: «Это чудо – свидетельство тому, что мы стоим на пороге совершенного мироздания, иначе говоря, настала эпоха Избавления».

Посрамленные, с позором поспешили литвак и мясник покинуть наш двор, а в догонку им неслись насмешки особо голосистых.

«Ша, ша! Тихо!» – призвал их раввин Эрлих к порядку. И прежде, чем уйти, поинтересовался, есть ли у Ионы продукты для себя и для детей. Могильщик ответил громко, без тени смущения: «Боящийся Господа не будет ни в чем нуждаться!» И его более чем уместный ответ снискал ему новых сторонников.

Тут же отобрали десять иешиботников, чтобы трижды в день приходили молиться в миньяне с Ионой Шварцем у нас на дворе. Иешива выделила для этого кивот и два Свитка Торы.

По просьбе могильщика, церемонию обрезания обоих мальчиков провели скромно, при небольшом числе приглашенных, прямо у нас во дворе. Раввин Эрлих был избран восприемником, а моя матушка удостоилась быть *кватером*⁶. Она нарядилась в субботнее платье и надела на голову праздничный парик. Лишь когда *моэл* закончил процедуру, толпившиеся в отдаленье иешиботники были допущены в наш двор. <...>

Со дня чуда Иона не снимал с головы штреймл, который казался недомерком на его покрупневшей голове. Лицо Ионы тоже изменилось, оно стало мягче. Зрение кормилицы обострилось, и он больше не нуждался в очках. За одни сутки борода сделалась длинной и блестящей, как наливной колос.

Харедимные раввины выпустили листок, где утверждалось, что посмотреть на чудо Ионы – великая заповедь, поскольку это чудо подобно чуду, происшедшему в свое время с Мордехаем, как разъясняется в Талмуде. У праведного Мордехая выросли женские груди, и он вскормил осиротевшую малютку Эстер, отданную ему на попечение. Взволнованные соседки несли Ионе всякие вкусности, чтобы подкрепить его тело и способствовать прибыванию молока. Он, однако, довольствовался вареными пшеничными

---

⁶ По обычаю в помещение, где будет проводиться обрезание, младенца вносит подруга жены и там передает его своему мужу. Эта супружеская пара называется кватеры. Удостоиться быть кватерами – большой почет.

зернами с козьим молоком и овсяной кашей, а верная Фейга тщательно следила за графиком его еды, питья и сна.

Слух о чуде распространился очень быстро. Из соседних кварталов шли люди получить от Ионы благословение или совет по части здоровья, более успешного заработка и даже интимных отношений. Бездетные женщины осаждали его, прося благословения. Он терпеливо выслушивал их и предсказывал степень плодовитости по цвету языка и форме их грудей. Больные, просившие дать им талисман, получали от него рецепты всяческих эликсиров. Неимущие каждый день толпами сходились в нашем дворе, ожидая счастливого момента, когда он сможет их принять, и надеялись, что замолвит за них словечко перед Высшим Чудотворцем. Столь многие искали встречи с ним, что Фейге пришлось вмешаться и навести порядок. Она отвела для приема посетителей пять часов ежедневно и с успехом собирала с каждого установленную таксу, предназначенную для обеспечения «того, кто удостоился чуда», как она называла Иону, а также двух его потомков. <...>

Прошло более пяти месяцев, а Иона по-прежнему кормил грудью своих близнецов с тем же выражением значительности и ежедневно принимал просителей. Он напрочь забыл о покойной жене, и соседи тоже забыли о ее недавнем существовании. Люди старались не вспоминать о том, что когда-то он был простым могильщиком. Настоящее было столь увлекательно и насыщено добрыми делами, что прошлое никого больше не занимало.

В полдень, когда вокруг не стихал гомон возбужденных хасидов, Иона сидел на ковре, облаченный в свой расшитый халат, и уносился взглядом в даль. Возможно, он думал о своей серой скучной работе на кладбище? Те дни казались ему такими далекими, но работа с лопатой в руках поддерживала крепость его тела, которое теперь, от ленивой неподвижности, утратило силу в мышцах и расплзлось.

Несмотря на энергичные протесты Фейги, он решил встать с лежбища и пойти прогуляться, сходить на рынок и обойти соседние кварталы с немерением как-то укрепить мышцы. В итоге сошлись на том, что он дождетя ночи. Под покровом темноты ему не угрожают ни приставания прохожих, ни почтительный эскорт хасидов и случайных любопытных, которые днем непременно отравили бы ему удовольствие от ходьбы. <...>

Прошел год, и чудо постепенно забылось. Однажды, после праздника Суккот, когда небо хмурилось, предвещая первый дождь, Иона стоял на кладбище и радостно копал могилу. То была могила для мясника Иерухама, скончавшегося накануне утром. Кладбище в Сангедрии было тихо и безлюдно. Иона уже с утра успел набраться и пребывал в блаженстве по случаю смерти ненавистного врага. «Что эта за фигура, прохаживающаяся по кладбищу между могилами? Уж не я ли это?» – говорил сам с собою пьяный Иона, и ему казалось, что не он находится тут, а две неизвестные ноги ходят, тяжело качаясь, по кладбищенской земле. А две отдельные руки работали и рыли могилу для подлого мясника. А два отдельных глаза видели движение жизни, которое есть не что иное, как они сами. В горячке он принялся ощупывать свои ноги, руки и лицо, желая удостовериться, что это части его собственного тела. «Истина из земли прорастает», – непрестанно повторял он себе под нос и вдруг вспомнил, что рабби Нахман из Брацлава сказал, что стоит лишь наклониться к истине и подобрать ее с земли, как вся твоя жизнь сразу изменится до неузнаваемости.

Он наклонил голову к земле в надежде найти что-нибудь и вдруг оказался плутающим в лабиринте могил.

На минутку остановился передохнуть под мощным деревом, ветвистым тисом, посаженным англичанами во времена мандата и быстро вознесшимся вверх. Рассказывали, что этот тис растет из черепов покойников, а потому тянется вверх быстрее прочих деревьев. Тем не менее никто из «Похоронного братства» не подумал его выкорчевать, поскольку этот тис обладал поразительным свойством очищать и освежать кладбищенский воздух, отгоняя прочь исходящее по ночам из могил зловоние.

Настал вечер, небо помрачнело, и неожиданно налетевший с гор ветер с ревом обрушился на Иону, как голодный медведь-шатун. Голова могильщика закружилась, внезапный озноб дрожью пробежал по телу, едва различимому в сгустившихся сумерках. И тут явилось безумное воображение: закачались надгробия и пошли волнами, как спелые колосья. Он видел, как горизонт становится квадратным, как небесный свод наполняется стаями крикливых ворон, кружащих с громкими проклятиями над погружающимся во мрак миром. Ужас обьял его.

«Что я сделал? В чем я ошибся?» – восклицал Иона, обратив лицо к небесам, которые менялись на глазах. Ему казалось, что земля тяжело двинулась вверх, надгробия соскочили со своих мест, и дальние могилы разверзли черные рты. Он увидел двух стоящих с непокрытыми головами мертвецов, которые смотрели на него, широко раздвинув беззвучные челюсти. Выражения их лиц были насмешливые и презрительные.

Но вот среди надгробий идет вдова Иерухама Батья. Она улыбается ему, словно из лучистого сияния. «Батья, Батья!» – закричал Иона, и дразнящее эхо отозвалось ему: «Батья! Батья!», а туманный мозг пронзили жаркие мысли о соблазнительной вдове мясника...

Безнадежно пьяный, он шел, покачиваясь, по могильным холмикам, натыкался на могильные плиты, скользил и падал и поднимался вновь, описывал круги на непослушных ногах, и голова его кружилась. Остекленелые глаза силились высмотреть между памятников Батью, но та исчезла. «Батья!» – подвывал Иона, как шакал в ночном овраге.

Он торопливо мерил шагами узкие тропки между надгробиями, насквозь промокнув от дождя. Снова и снова звал в отчаянье вдову Иерухама. Очки давили ему переносицу, пуговица оторвалась от щеголеватого халата, напоминавшего *парохет*, который теперь распахнулся. Он чувствовал, как трепещет его душа, расставаясь с телом, как она натывается на халат и застревает в нем. Вот он, мертвое тело в живом одеянии.

На краю свежей могилы, вырытой им для мясника, его заплетающиеся ноги поскользнулись, и он упал в заполненную дождевой водой яму. Острая боль ожгла его в левой стороне груди, и слабый стон сорвался с непослушных губ. Он был до того пьян, что не сумел выкарабкаться из могилы.

«Батья! Батья!» – с отчаянием звал он, но ответом было только эхо, многократно повторявшее его зов.

Ослепительная молния осветила могилу. Он лихорадочно ощупал свою грудь – а вдруг чудо вернулось. Его плач поглотил ветер. Ливень лил не переставая, и куча вынудой им из могилы земли стала оползать внутрь, почти засыпав его. Вскоре появились люди с носилками, неся в последний путь покойного Иерухама. Фонари «Люкс» в руках членов «Похоронного братства» едва рассеивали тьму. Немало времени прошло, пока они смогли обнаружить

могилу, выкопанную для бывшего мясника. После того, как носилки, по принятому в Иерусалиме обычаю, семь раз обошли могилу, сопровождавшие их люди окружили яму с намерением произнести надгробные слова.

Вдова Батья, одетая во все черное, сердито глянула в могилу, и крик бесконечного ужаса вырвался из ее груди. Вдова рухнула, потеряв сознание. На дне могилы, предназначенной для мясника Иерухама, собравшиеся увидели тело могильщика Ионы Шварца, лежащее в земле без малейших признаков жизни.

Перевела с иврита Зоя Копельман

Хава Пинхас-Козэн (р. 1954, Яффо). **Из песен Орфея**⁷.

Диалог

«Ты удаляешься от меня» –
говорит он и сжимает мою правую грудь
говорит он и держит меня за руку
чтобы я больше не выскользнула из моего тела
из-под одеяла, из простыней, из занавеси,
из постели, из комнаты

«Это ты выскользываешь из моих рук
удаляясь не на несколько миллиметров
а – на вечность».

«Ты удаляешься от меня».
«Грудь моя в твоей руке,
сны мои – у тебя
в теле моем остался замок
и ключ от него – у тебя».

Отделяется голос – от речи
воспоминания – от памяти
следы в постели – без тепла твоего тела.

В те дни
обнимала, обминала, сжимала
ласкала, давила, растирала твою ладонь,
жаждая получить немое послание
из мира твоего дремлющего

снова и снова склонялась над тобой
губы мои читали
твой лоб, глазницы,
линию носа, щеки и рот –
собрать, вобрать
каждый выдох и дух и дыхание –
распотрошить, оживить
спящие твои губы –

ощутить забытый запах
дыхания твоего –
яблочного поля.

Позднее возвращение

1.

Вчера, во сне, ты посетил меня так ощутимо

---

⁷ http://www.sunround.com/slovo/11_pinchas_koen.htm

и касался моей груди –
получить немного от знакомого тебе тепла,
согреть чуточку душу твою во тьме ямы.
Но как откроешь мне нагую душу твою?
Ведь я знала только твоё тело.

Кто повелел отделить мертвого от живого –
спросил – и почему сердце твоё беспокойно,
и кто заставил тебя запереть дверь
до моего возвращения сегодня вечером.

2.
День после дождя. И вот – солнце.
Ты позвал меня выйти через окно
и прийти к тебе под сень эвкалипта
около железной дороги,
и не был твой голос голосом ангелов.
И попросил принести навес
по случаю скорого праздника.
«Месяц Кислев прошёл, теперь – Тевет –
сказала я тебе –
Возвращайся на покой».

В ложине, рассекающей хлопковое поле,
ты снова позвал меня – и не звуками флейты –
и вновь – на аллее пальм
где наша дочь делала первые свои шаги.
«Сиди возле меня» – попросил
«Я буду беречь твой сон» – обещал.

Звал меня за собой
в первый солнечный день
после запоздавшего дождя.

После того, что случилось

Я вздымаю, вытягиваю шею вверх
над городом, над площадью, над башней
в ожидании твоего мягкого поцелуя,
но его нет.

Дочь спрашивает: с кем ты разговариваешь
и я отвечаю, как мама отвечала мне –
«С господином, владыкой
чьё лицо двулико».

Иногда он кусает, иногда бьёт меня хлыстом
сзади и говорит: «Уходи отсюда,
иди домой» или: «Иди отсюда в то место,

которое – граница между нами,
и рука моя будет тянуться по твоим следам
чтобы скользнуть по твоему телу».

Как велики и бесчисленны ледяные голоса
в опустевшем мире.
Ты просил меня быть с тобой, когда уйдешь,
и с тех пор я – женщина,
восходящая на костер.

Перевел с иврита Эфраим Баух

Цруя Шалев (р. 1959, Иерусалим). **Жизнь во время любви**⁸

Я попробовала представить, как мы с Арье едим колбаски и пьем коньяк, а Йони наполняет нам бокалы и плачет, и так расстроилась, что снова заплакала. Я решила, что никогда не брошу Йони, потому что только сейчас обнаружила, что он на самом деле любит меня; невозможно бросить того, кто вправду тебя любит. Но тут я подумала: «погоди, что с тобой, где твоя любовь?» — и решила, что я, наверное, как эта жена из легенды: никто не знает, что она чувствовала на самом деле, можно лишь догадываться по ее поступкам.

И вот, из-за того, что я думала о своих поступках, я ничего не делала, до тех пор пока не позвонили с кафедры. Секретарша сказала, что зав. кафедрой ищет меня, и в ее голосе послышалось злорадство. Я всегда знала, что она удивляется, почему зав. кафедрой нянчится именно со мной. В принципе, я разделяла ее удивление и каждую минуту ждала, что мое везение вот-вот закончится, что он поймет, что я не такая перспективная, как ему кажется, и вместо его надежды я стану его разочарованием. Я знала, что такая перемена может обрушиться на меня буквально в один день, и почувствовала, судя по ее злорадству, что, похоже, этот день настал. У меня забилося сердце, я сильно сжала толстую книгу и от напряжения стала мять уголки обложки, пока не поймала себя на том, что порчу редкий экземпляр из личной библиотеки, и как раз в этот момент в трубке послышался его торжественный голос с англосаксонским акцентом. Он сообщил мне, что прошло собрание кафедры и на меня были жалобы за то, что я отменяю занятия со студентами, и что я еще не подала заявку на утверждение темы диссертации, и что если все будет и дальше так продолжаться, то я не смогу получить стипендию и ставку.

— Даже я не смогу помочь вам, — сказал он, — если вы не поможете себе сами. Знаете, Яара, сколько претендентов на эту стипендию? Я подождала, пока он закончит, и затем сказала извиняющимся тоном, что все затянулось из-за того, что я не могла найти тему для диссертации, но как раз сегодня утром я все решила.

— Личная трагедия в легендах о разрушении Храма, — сказала я ему, — вот о чем буду писать.

Он сказал, что имеет смысл увидеться и обсудить это, и добавил:

— У меня скоро выдаться свободный час, и я буду рад посвятить его вам.

— Отлично, я уже выхожу, — сказала я, и сразу пошла искать в шкафу одежду, соответствующую образу деловой женщины. Отныне это мой новый имидж — деловая женщина с перспективным научным будущим и любящий муж, который даже склонился поцеловать меня. Я подумала даже, что надо начать курить сигареты с мундштуком и укоротить прическу, и тогда мне некому будет завидовать. Только себе самой буду завидовать, а если встречу с ним случайно на улице, то величественно улыбнусь и даже не замедлю шага. Кто он такой вообще? Насос, который высосал все мои силы, все мое время, все мои желания, овладел моей жизнью и не дал мне ничего взамен кроме сомнительной роскоши остаться без сил, без времени и без желаний. Да и это он сделал с таким равнодушием, словно оказал мне любезность, позволив растратить на него всю свою жизнь.

Я надела черные кожаные штаны и голубую вельветовую рубашку, хорошо сочетающуюся с моими глазами. Уже когда я смотрела в зеркало, мне

---

⁸Отрывок из романа «הבית החדש»: <http://booknik.ru/publications/?id=29559>

было жалко, что он не увидит меня такой, что вся красота будет растрчена на заведующего кафедрой, но я все время повторяла себе: «Разрушение Храма — вот что важно для тебя сейчас, и ничто иное». И мне снова представилось, как Йони наливает нам коньяк — моя фантазия облекла его в такой женственный официантский фартук с бахромой — и я стала хихикать, пока не вспомнила, насколько это все печально.

Я заметила, что Йони взял машину, и поэтому пошла на остановку, немного нервничая, так как автобус проходит мимо больницы, а это удлиняет путь. Но он ехал быстро.

Стояло позднее утро, дороги были пустынные, и я вспомнила пустой заброшенный дом, который всегда ждал меня, скрытый в самом сердце цитрусовой рощи, когда я еще была девочкой. Золотые сияющие тропинки вели к нему, окруженные мрачными недоверчивыми кипарисами, один из них всегда погнут или сломан, а среди них радостно сверкают разноцветные звезды лантаны — оранжевые, фиолетовые, желтые, красные и белые — и кажется, что чем ближе к дому, тем они больше; вот они уже почти размером со спелый мандарин. Когда дом открывается глазу, он всегда поражает своей красотой, несмотря на запустение, заброшенность и признаки разрушения. Про себя я называю его Храмом. Он совершенно заброшен, кроме меня здесь бывают только голодные вонючие рабочие, пашущие днем и ночью. Я вдыхаю горьковатый запах — запах усталости, копоти, пивных банок и дешевых сардин. Холодными ночами они разводят в доме костерки. Пол уже почернел, стены тоже, но я вижу дом таким, каким он должен быть — сияющим и блестящим, роскошным и зовущим. Я хочу, чтобы и меня видели такой, какой я должна быть, и поэтому я привожу туда любимых людей, потому что мне кажется, что только там, в Храме, можно увидеть настоящую меня.

Вначале я приводила туда подруг из класса, и они слегка пугались, им было неуютно в заброшенном доме среди тысяч фруктовых деревьев. Потом я привела туда своего первого мальчика, и мы сидели среди заросшего и запущенного двора, где укромно росли необыкновенные гигантские цветы, и я представляла себе, что это наш дом, и мы целовались под ветвями гуавы, и я надкусывала мясистые плоды гуавы, не срывая их с дерева, чтобы показать ему, что они абсолютно красные, и мои губы распухли от поцелуев и я боялась возвращаться домой: что я скажу родителям — что пчела ужалила меня в губы? Но мальчик сказал, что они не выглядят распухшими, а только так ощущаются, и я злилась оттого что это все из-за него, но не показывала виду, чтоб он не обиделся и не оставил меня одну с родителями. И мы поднялись по широким разрушенным ступеням, ходили по комнатам, воображая былое величие, по узкой извилистой лестнице вскарабкались на крышу, и увидели там бесконечное сияние раскинувшихся вокруг фруктовых садов, их безраздельную власть, зеленое на зеленом. Лишь в темноте мы собрались возвращаться домой, холод обжигал мне губы, но мальчик обещал, что никто не заметит припухлости, и я не понимала, как такое сильное ощущение может быть незаметно глазу. Соски тоже пылали, и я прикрыла рукой юную грудь под тонкой рубашкой, а он сорвал горсть звезд лантаны и рассыпал по моим волосам.

Дома именно эти звезды выдали меня, не губы, и мама сказала: «Где ты так извалялась, что у тебя даже трава прилипла к голове? Это был твой последний уход на целый день, слышишь?» А ночью мне казалось, что папа

шепчет ей: «Что ты от нее хочешь? Ты просто завидуешь, что у нее есть любовь, а у тебя нет».

Спустя несколько месяцев мы с ним любили друг друга, с моим первым мальчиком, там, на закопченном полу, среди пустых пивных банок, угольков, обрывков старых газет. Это был наш первый раз, и последний раз, когда я была там, потому что мне вдруг сделался отвратителен запах гари и дыма, даже потолок надо мной был закопчен, и я не могла больше видеть этот дом таким, каким он должен быть, а видела его только таким, какой он есть — грязная заброшенная развалина, и даже того мальчика не хотела больше видеть, потому что он напоминал мне Храм, и довольно скоро после этого мы расстались.

Я поглядела в окно и ощутила, что мои соски пылают как тогда. Я вспомнила о молодых нежных женщинах, которые ходили собирать ячменные зернышки среди конского помета, и их груди становились от голода длинными и тонкими, как палка, и о младенцах, силившихся сосать молоко из их сосцов и умиравших у них на груди. Я подумала: «Как хорошо, что я не жила в те времена», и для пущей надежности прикрыла свою грудь тяжелой книгой, а затем увидела небо, затянутое дымом, и подумала: «Невероятно! Дым от Храма все еще поднимается, но только я одна вижу его», пока не поняла, что это труба на здании больницы.

(1997)

Перевод С.Могилевского

Цруя Шалев (р. 1959, Иерусалим). **Медвежонок**⁹

Пицца размазалась по грязному полу, и все оливки раскатились.

– Их плохо запекли, – хныкала я. – Больше не пойдем в это дерьмовое место.

– Больше мы никуда не пойдем, – сказал он.

– У меня косточка застряла в горле, – хныкала я. – Паршивое место, они не вынимают косточки из оливок.

Лицо у него белое, как у клоуна. Уже неделю он не ест и не пьет. Уже неделю не разговаривает. Сегодня утром он раскрыл рот в первый раз, и я тут же пожалела, что рот не остался закрытым. Он сказал, что хочет купить мне пиццу на прощание.

– Пицца? – закричала я на него. – И это твой прощальный подарок, пицца?

– Да – сказал он, запинаясь. – Разве есть что-нибудь, что ты любишь больше? – после этого он сел в машину и укатил.

Ровно неделю назад наш медвежонок исчез. Наш милый мишка, с которым мы не могли расстаться, которого не могли поделить между собой – с самого начала.

...Я возвращалась домой и увидела распростертого посреди шоссе мишку. К нему быстро приближалась машина. Я попыталась остановить ее и почти успела. Водитель затормозил, задев меня по заднице фарой. «Уверен, что так лучше, чем рукой?» – спросила я его и наклонилась к маленькому мишке.

---

⁹ Еврейский Книгоноша, № 8 (2005). С. 75-78.

Он вышел из машины и тоже нагнулся. Мы осматривали медвежонка, как двое озабоченных родителей. Я уверенно протянула руку и подняла его, как поднимают знамя.

– Он мой, – сказала я.

– С чего это вдруг? Он мой. Я остановился из-за него, а не из-за тебя.

Мы долго стояли там и препирались. Никто не уступал. Тогда в конце концов мы решили жить вместе. Уже тем же вечером он появился у меня с пижамой. Я сказала ему: «Медвежонок будет спать со мной». А он: «С чего это вдруг? Со мной». Он не соглашался расстаться с мишкой даже на одну ночь, тогда мы и спать стали вместе.

Он и вправду был милым, этот медвежонок. У него были глаза-миндалинки и длинные, как у девочки, локоны. Я пожалела, что не могу кормить его грудью: всегда хотела знать, что чувствуют, когда кормят грудью. Памперс в любом случае мы ему надели, а вечером состоялась церемония купания и стрижки. Мы были счастливы. Я ни разу не спросила его, какую жизнь он оставил, только представила себе, что если он оставил ее ради игрушечного маленького медвежонка, она, видимо, была не бог весть какой.

Да и у меня она была не бог весть какой. Я вставала поздно и первым делом прослушивала с автоответчика сообщения своих родителей. «Мы скоро умрем, – говорили они хрипло, – зайди проститься с нами». Однако я знала, что это ерунда. Как можно пугать смертью из года в год, это противоестественно и говорит о дурном вкусе. Я знала, что они что-то замышляют, звонила им и говорила, что не могу прийти, так как они не внушают мне доверия. Я всегда боялась, что за мгновение до того, как я успею улизнуть оттуда, они запрут дверь на замок и вытащат нож. В конце концов я перестала к ним приходить. Решила, что со стажем пребывания в этом мире в несколько десятков лет я имею право приспособивать жизнь к себе самой, а не себя – к собственной жизни. Раз в день я заказывала большую пиццу с оливками и сразу ее съедала. После этого пачкала посуду, чтобы было что помыть. Друзей я почти не приглашала, так как с ними мне было беспокойно. Потому-то я и захотела медведя, который охранял бы меня от всех. Но случайно медведь появился вместе с человеком. Так что? Могло быть гораздо хуже.

Мы начали крутиться вместе, чтобы выводить мишку. Купили для него коляску с зонтиком от солнца, так как было лето. Сидели в пиццерии, пили колу и смотрели на него. Иногда вместе ездили на машине к морю или на пикник. Однажды, когда мы возвращались с моря, он засмотрелся на мишку, вместо того, чтобы следить за дорогой, и врезался в кого-то сзади. «Уверен, что так лучше, чем рукой?» – спросила я его, но это были уже не шуточки. Я поняла, что он что-то замышляет, что решил избавиться от меня и забрать мишку себе.

Я решила быть осторожной. Прошли те ночи, когда я засыпала подле него, как ребенок, и мишка между нами. Прошли утра, когда я выходила купить памперсы, а его с мишкой оставляла лежать перед телевизором и смотреть «Летающую эскадрилью».

Проблема в том, что подозрительность – вещь заразная. Он видел, что я проверяю его, и начал следить за мной, а когда ищут – находят. Он вдруг сказал мне: «Что ты за дочь, если не идешь проститься со своими родителями? Какой пример ты подаешь медвежонку? Как можно весь день есть только пиццу? Почему у тебя нет друзей? Почему ты надеваешь памперсы игрушечному медвежонку?»

На каждый вопрос в отдельности у меня был ответ, но не на все сразу. Я сказала ему: «Что ты за человек, который оставляет все ради игрушки, каждый день смотрит «Летающую эскадрилью» и врежется в машины сзади?»

По-видимому, у него был ответ на каждый вопрос в отдельности, но не на все сразу. Мы перестали разговаривать. Мы и без того разговаривали немного, о большом мире не говорили, так как высокие материи нас не интересовали. Задушевных бесед не вели, потому что наши души не были родственными. Однажды я спросила его, являемся ли мы, по его мнению, близкими душами, а он рассмеялся мне прямо в лицо. Только о своем детстве он иногда говорил. Была у него одна история из детства, которую он любил рассказывать: окно у них в доме располагалось низко, и когда шел снег, он сидел на коленках, упираясь головой в стекло, и смотрел на снег. «И что тогда?» – спрашивала я, а он говорил: «И тогда ничего. Смотрел на снег». – «Это рассказ без смысла», – считала я, но мои слова его не волновали. «Это моя история», – говорил он. После того, как я выслушала этот рассказ множество раз, мне уже не мешало, что смысла нет, а возможно, я его в конце концов обнаружила.

Но когда он стал подозрительным, рассказы закончились. Оставались лишь вопросы, которые начали мне надоедать. Мне опротивело как задавать вопросы, так и выслушивать их, даже не знаю, что больше. Я решила доказать ему, что я не настолько странная, как он думает, и, главное, менее странная, чем он. Я решила притвориться хорошей дочерью и пригласить родителей. «Как они выйдут из дома в таком состоянии? – сказал он. – Ты просто издеваешься над ними». Но я полагалась на свою интуицию.

Они появились перед нашей дверью минута в минуту, здоровые и такие молодые. Он даже не поверил, что это мои родители. «Они выглядят, как твои дети», – заметил он. А они, словно недоразвитые малолетние близнецы, уселись в углу и все время хихикали.

– Я тебя знаю. – Моя мать указала на него и залилась смехом. – Не ты ли как-то стукнул сзади мою машину?

– Очень может быть, – ответила я вместо него. – Когда это было?

– Недавно, – сказала она. – Мы возвращались с моря, и в нас врезались сзади. Недельку мы ходили с компрессом на шее, но в конце концов все пришло в норму.

Я не удивилась, услышав, что в момент, когда случилось что-то плохое, именно они оказались поблизости. После этого я вынула мишку из кровати и показала им. Они в восторге набросились на него и чуть не разорвали.

– На самом деле я всегда задавалась вопросом, – сказала моя мать, – зачем нужно производить на свет детей, если есть игрушки. Ухаживать за игрушками намного легче. И они так преданны. Для чего все-таки вы надели ему эти памперсы?

– На всякий случай, – ответил он за меня, а я поддакнула. В таких случаях важно выступать единым фронтом.

Комната наполнилась звоном, так как на шею мишке он привязал колокольчики, чтобы я не могла незаметно уйти с ним, или, может, это я привязала, какая разница. Родители передавали его из рук в руки, и я в конце концов начала опасаться, что они захотят перебраться жить к нам, потому что не смогут расстаться с медвежонком. Однако я их хорошо знала и была уверена, что они найдут для себя более удобное решение. И действительно – они просто унесли его...

Как я могла это предположить? Знать я не могла, но я во всем полагалась на интуицию. Все, что я помню, это то, что примерно через час, когда начало темнеть, моя мать сказала: «Нам пора идти», – и стала искать свою сумку. Через полчаса она сообщила, что нашла сумку в спальне, а тем временем, чтобы облегчить мне жизнь, уже уложила мишку спать. «Ты выглядишь совсем усталой, – сказала она мне – Я хотела тебе помочь». Мы все пожали друг другу руки и сказали: «Вуе-Вуе».

Я заказала пиццу и подумала, что мои подозрения (нам надо было объединиться было против родителей!) сейчас рассеются. Мы ели, и он в очередной раз рассказал мне свою историю о снеге за низкими окном, а я подумала, что этот рассказ нравится мне все больше и больше. И в конце концов я сказала ему: «Давай поцелуемся». Он пошел за мишкой, так как мы целовались только через него. Он касался губами спины медвежонка, а я – живота, и так мы целовались, и поцелуи продолжались иногда всю ночь. Однако он вернулся из спальни и сказал, что мишки нет. Выяснилось, что теперь невозможно ни целоваться, ни спать, ни есть, ни жить – ничего невозможно делать вместе, только по отдельности.

Я топтала пиццу, и под ногами у меня образовалась оливковая каша – вот он, мой прощальный подарок.

– Что ты собираешься теперь делать? – спросила я его. – Наряжать Барби?

– Нет, – сказал он. – Вернусь к прежней жизни.

– В самом деле? Какая же у тебя была жизнь?

– Не бог весть какая. Упирался лбом в стекло и смотрел на снег.

– А летом?

– Смотрел на солнце.

– Будь осторожен, это вредно для глаз.

– Не беспокойся, я смотрю с закрытыми глазами.

– Правда? И что же ты видишь с закрытыми глазами?

– Вижу достаточно.

Затем он встал и ушел, и только когда я услышала недалеко звук столкнувшихся машин, поверила, что он действительно уходит. Он снова врезался в кого-то сзади. Водит с закрытыми глазами, вот псих. И врезался не просто в кого-то, а в моих родителей, которые лопаются от смеха, а в их машине, в моем старом детском креслице, сидит любимый маленький мишка. Я тоже закрываю глаза и вижу, как он переходит в их машину и усаживается возле медвежонка; и я знаю, что уже этой ночью он появится у них со своей пижамой и будет спать в кровати с ними и мишкой, потому что он и вправду не может с ним расстаться.

(1993)

Перевел Александр Крюков